

КАВКАЗСКИЙ РАЗВОД

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Кавказский развод

<https://litres.ru/74328999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет Оксана ждала возможности стать матерью. Ради семьи она терпела унижения свекрови, холодность мужа и бесконечные упрёки в том, что не способна подарить роду Мамедовых наследника.

Но долгожданное рождение сына не спасает её брак. Оксана узнаёт, что у Джамала давно есть другая женщина и трое детей. Теперь она для его семьи — всего лишь русская жена, выполнившая своё предназначение.

Оксана требует развода и собирается забрать сына. Но у Джамала и его властной семьи другие планы.

— Можешь уйти, — холодно произносит муж. — Но мой сын останется со мной.

Он ещё не знает, на что способна мать, у которой пытаются отнять единственного ребёнка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кавказский развод

Глава 1

Схватка накрывает меня волной боли, такой острой, что я невольно стискиваю зубы до скрежета. Пальцы впиваются в простыню, костяшки белеют. Двадцать лет я ждала этого момента. Двадцать лет молилась, умоляла судьбу, врачей, Бога — кого угодно, только бы почувствовать эту боль. Боль, которая означает, что внутри меня бьется новая жизнь, готовая появиться на свет.

— Оксана Валентиновна, дышите ровно, — голос акушерки Тамары Игоревны звучит спокойно, профессионально. Она принимала тысячи родов, для неё это обычный вторник. Для меня — день, который я ждала половину жизни.

Я закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться на дыхании, но в голове проносятся обрывки воспоминаний. Консультации врачей, бесконечные анализы, процедуры. "Вторичное бесплодие неясной этиологии" — так красиво звучал диагноз, который ломал мне душу каждый день. А потом были годы попыток: искусственные инсеминации, ЭКО, народная медицина, паломничества к святым местам. Джамал терпел, поддерживал, хотя я видела, как в его зелёных глазах иногда промелькивает разочарование. Особенно когда мама начинала свои разговоры про "настоящую женщину" и "продол-

жение рода".

Новая схватка — ещё сильнее. Я кричу, не сдерживаясь. Кричу от боли, от радости, от страха. В сорок лет рожать рискованно, это мне объяснили все врачи. Но ребёнок внутри меня был таким желанным, что я готова была на любой риск.

— Вижу головку! — восклицает Тамара Игоревна. — Ещё немного, и ваш малыш будет с вами!

Сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Я думаю о Джамале, который мечется где-то в коридоре. Представляю его лицо, когда ему скажут, что у него родился сын. Да, сын — мы знали пол, я хотела быть готовой ко всему. После стольких лет неопределённости мне нужна была хоть какая-то уверенность.

— Тужьтесь! Сейчас! — командует акушерка.

Я собираю все силы, какие только есть в моём грузном, измученном теле. Сто двадцать килограммов — не лучший вес для родов, но врачи сказали, что всё пройдёт нормально. Главное — не паниковать.

И вдруг — тишина. А потом самый прекрасный звук в моей жизни: плач новорождённого. Тоненький, возмущённый крик, который означает, что мой ребёнок жив, здоров, дышит.

— Поздравляю, у вас сын! — Тамара Игоревна поднимает крошечный сверток. — Три килограмма четыреста граммов, пятьдесят два сантиметра. Здоровенький мальчишка!

Слёзы текут по моим щекам ручьём. Я рыдаю от счастья, от облегчения, от переполняющей меня любви к этому маленькому существу, которого ещё толком не видела. Моя грудь сжимается от нежности, когда мне кладут сына на живот. Он такой крохотный, беззащитный, но в то же время — моё всё. Моя жизнь, моя радость, моё оправдание перед этим миром.

— Тимур, — шепчу я, глядя его влажную головку. — Тебя будут звать Тимур. Мой маленький принц.

Дверь палаты распахивается, и в неё врывается Джамал. Лицо у мужа бледное, взволнованное, в зелёных глазах плещется такое счастье, которого я не видела уже много лет. Он подходит к кровати, и я вижу, как дрожат его сильные руки.

— Сын, — говорит он хрипло, и в голосе слышится что-то первобытное, древнее. — У меня есть сын.

— У нас, — поправляю я, улыбаясь сквозь слёзы. — У нас есть сын.

Джамал наклоняется и осторожно касается губами моего лба. Поцелуй нежный, благодарный. В этот момент мне кажется, что все наши проблемы остались позади. Что рождение Тимура стало тем чудом, которое вернёт нам любовь, доверие, близость.

— Я так тебя люблю, — шепчет он мне на ухо. — Ты дала мне самое главное в жизни.

Но радость длится недолго. За Джамалом в палату входит Айгюн. Свекровь выглядит торжественно: чёрное платье, зо-

лотые украшения, волосы убраны в безупречный пучок. Она подходит к кровати, и я вижу в её янтарных глазах что-то такое, что заставляет меня насторожиться.

— Наконец-то, — произносит она, глядя на Тимура. — Наконец-то в нашей семье родился настоящий Мамедов.

Слова бьют меня как пощёчина. Настоящий Мамедов? А что же тогда я? Двадцать лет была ненастоящей? Джамал хмурится, но не возражает матери. Он слишком счастлив сейчас, чтобы портить момент ссорой.

— Мама, не сейчас, — тихо говорит он.

— Почему не сейчас? — Айгюн берёт внука на руки с такой уверенностью, словно имеет на это больше прав, чем я. — Это великий день для нашего рода. Мальчик будет носить наше имя, продолжит наши традиции. Не то что...

Она не договаривает, но я прекрасно понимаю, что она имеет в виду. "Не то что эта русская толстуха, которая двадцать лет позорила нашу фамилию своим бесплодием". Я слышала эти слова много раз, правда, не в лицо.

Тимур начинает плакать на руках у бабушки, и Айгюн качает его с такой нежностью, которую никогда не проявляла ко мне. Мне хочется вырвать сына из её рук, прижать к себе, защитить от этой ядовитой любви. Но я слишком слаба после родов, слишком эмоциональна.

— Отдайте мне ребёнка, — прошу я. — Мне нужно его покормить.

— Конечно, конечно, — Айгюн передаёт мне Тимура, но

в её движениях читается неохота. — Только смотри, чтобы молока хватало. В твоём возрасте с этим бывают проблемы.

Очередной укол. В сорок лет рожать поздно, молока может не хватать, здоровье не то. Джамал снова хмурится, но молчит. А я прижимаю сына к груди и чувствую, как что-то внутри меня ломается. Должен был это быть самый счастливый день в моей жизни, а вместо этого я ощущаю тревогу, предчувствие беды.

Айгюн достаёт телефон и начинает кому-то звонить.

— Фатима? Родился! Мальчик, здоровый. Да, наконец-то... Конечно, приходи, только не сегодня, она устала.

Свекровь говорит обо мне в третьем лице, словно меня здесь нет. Словно я просто инкубатор, который выполнил свою функцию. Джамал сидит рядом с кроватью, держит мою руку, но я чувствую, что его мысли где-то далеко.

— О чём ты думаешь? — спрашиваю я тихо.

— О том, как изменится наша жизнь, — отвечает он, не глядя на меня. — Теперь у меня есть наследник. Сын, которого я буду учить бизнесу, который продолжит дело Мамедовых.

В его словах звучит гордость, но почему-то мне от них становится не по себе. Наследник, продолжатель рода... А где я в этой картине? Где место для простой материнской любви, для семейного тепла?

Тимур сопит у меня на руках, такой маленький и беззащитный. Я целую его лобик и обещаю себе: что бы ни случи-

лось, я защищу этого ребёнка. Я дам ему всю свою любовь, всю нежность, которую копила в себе двадцать лет.

Айгюн заканчивает телефонные разговоры и снова подходит к нам.

— Джамал, тебе пора в офис. Дела не ждут. А я посижу с невесткой, помогу с ребёнком.

— Не нужно, — быстро говорю я. — Я справлюсь.

— В твоём состоянии? — Айгюн цокает языком. — Роды в сорок лет — это не шутки. Тебе нужна помощь. Опытная помощь.

Джамал встаёт, поправляет дорогой костюм. Он действительно собирается уходить. В день рождения нашего сына он собирается на работу.

— Джамал, останься, — прошу я. — Хотя бы сегодня.

— Извини, солнце, но у меня важная встреча. Клиент из Дубая, нельзя переносить. — Он снова целует меня в лоб. — Вечером приеду, привезу цветы.

И он уходит. Просто встаёт и уходит, оставляя меня одну с новорождённым сыном и ядовитой свекровью. В палате повисает тяжёлая тишина, которую нарушает только тихое сопение Тимура.

— Не расстраивайся, — говорит Айгюн, и в её голосе слышится нотка ложного сочувствия. — Мужчинам нужно время, чтобы привыкнуть к отцовству. Главное, что теперь у тебя есть цель в жизни. Сын требует много внимания, много жертв.

Жертв. Это слово отзывается в моей душе тревожным эхом. Каких ещё жертв от меня ждут? Разве мало того, что я отдала молодость, здоровье, все силы на то, чтобы родить этого ребёнка?

За окном палаты начинается смеркаться. Москва ноября серая, дождливая, неприветливая. Где-то в этом огромном городе живёт моё прошлое — одинокие годы ожидания, бесконечные врачи, слёзы в подушку. А где-то там же ждёт будущее — неопределённое, туманное.

Тимур начинает плакать, требуя еды. Я прикладываю его к груди, чувствуя острую нежность к этому крохотному существу. Он мой, только мой. И никто не имеет права отнять у меня эту любовь.

— Молока мало, — замечает Айгюн, наблюдая за кормлением. — Я так и думала. Нужно будет докармливать смесью.

— Молока достаточно, — отвечаю я твёрдо. — Врач сказала, что всё нормально.

— Врачи всякое говорят, — Айгюн пожимает плечами. — А ребёнок не наедается, плачет. Вот увидишь.

Каждое её слово — как капля яда. Она умеет так тонко подрывать мою уверенность в себе, что я начинаю сомневаться даже в самых простых вещах. А может, действительно молока мало? Может, я уже не справляюсь с ролью матери?

Нет. Я отгоняю эти мысли. Я ждала этого ребёнка двадцать лет. Я буду хорошей матерью. Я должна быть хорошей матерью.

За дверью палаты слышатся шаги, голоса. Жизнь продолжается. Где-то радуются другие матери, где-то плачут другие дети. А я лежу в этой казённой кровати с сыном на руках и понимаю, что вместе с радостью материнства в мою жизнь пришёл страх. Страх не справиться, не оправдать ожиданий, потерять то, что так долго ждала.

Тимур засыпает у меня на груди, и я глажу его тёмные волосики. Он похож на отца — те же чёрные волосы, те же правильные черты лица. Интересно, какими будут его глаза? Зелёными, как у Джамала, или серыми, как у меня?

— Спи, мой маленький, — шепчу я. — Мама рядом. Мама тебя защитит.

Но даже произнося эти слова, я чувствую, как в душе растёт тревога. Защитить от чего? От кого? И хватит ли у меня сил на эту защиту?

Айгюн молчит, глядя в окно. На её лице выражение удовлетворения, словно она добилась чего-то очень важного. А может, так оно и есть? Может, рождение Тимура — это не только моя победа, но и её? Победа традиций над чувствами, рода над личностью?

Я закрываю глаза и пытаюсь забыть обо всём, кроме тепла маленького тела на моей груди. В этот момент нас ничего не разделяет — ни свекровь с её ядом, ни муж с его равнодушием, ни весь мир с его жестокостью. Есть только мы: мать и сын, связанные невидимой нитью любви.

Но я ещё не знаю, как скоро эту нить попытаются разо-

рвать.

Глава 2

Первые недели после рождения Тимура стали для меня настоящим откровением. Я, Оксана Мамедова, сорокалетняя женщина, которая двадцать лет мечтала о материнстве, наконец-то держала на руках своего сына. Каждое утро я просыпалась с улыбкой, не веря в то, что это счастье реально.

— Мой маленький принц, — шептала я, склонившись над кроваткой, где спал Тимур. — Мамочка так долго тебя ждала...

Малыш приоткрывал глазки — такие же зеленые, как у Джамала, и мое сердце сжималось от нежности. Он был идеален. Каждый его вздох, каждое движение крохотных ручек вызывало у меня слезы счастья.

Джамал тоже изменился. Мой муж, обычно сдержанный и суровый, растапливался при виде сына. Он стал приходить домой раньше, отменял встречи, чтобы провести время с нами. Впервые за много лет я чувствовала, что мы — настоящая семья.

— Посмотри, как он на меня смотрит, — восхищенно говорил Джамал, аккуратно беря Тимура на руки. — Он уже знает своего папу.

— Конечно знает, — улыбалась я, наблюдая за этой трогательной картиной. — Ты же разговаривал с ним, когда он был у меня в животе.

Джамал целовал крохотную ладошку сына и прижимал его к груди. В эти моменты мне казалось, что все наши проблемы остались в прошлом. Рождение Тимура словно смыло все обиды и недопонимания.

Даже наша интимная близость изменилась. Джамал стал нежнее, внимательнее. Он помогал мне с ночными кормлениями, вставал к малышу, когда я была слишком уставшей.

— Отдыхай, солнце, — говорил он, забирая плачущего Тимура из моих рук. — Я покачаю его.

И я засыпала под звуки его низкого голоса, который напевал колыбельную. В такие моменты я была готова простить ему все — и долгие задержки на работе, и странные звонки, которые он принимал, выходя из комнаты.

Но не все в доме разделяли наше счастье.

Айгюн, моя свекровь, формально радовалась рождению внука, но я чувствовала подвох. Она слишком часто заглядывала к нам в комнату, слишком внимательно наблюдала за тем, как я ухаживаю за Тимуром.

— Ты правильно его держишь? — спрашивала она, входя без стука, когда я кормила малыша. — Не слишком ли туго запеленала?

— Все в порядке, — отвечала я, стараясь сохранять спокойствие. — Тимур здоров и хорошо ест.

— Ханым, тебе нужно больше есть, — продолжала она, критически оглядывая меня. — Молока может не хватать. Я приготовлю тебе правильный бульон.

И готовила. Каждый день приносила тарелку густого, жирного супа, который я с трудом заставляла себя есть. От него меня тошнило, но я понимала — это проявление заботы. По крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Спасибо, Айгюн-ханым, — благодарила я, допивая бульон до дна. — Очень вкусно.

Она кивала и забирала пустую тарелку, но взгляд её оставался холодным. Иногда мне казалось, что за показной заботой скрывается что-то другое. Но я гнала от себя эти мысли. Наконец-то в нашем доме воцарился мир, и я не хотела его разрушать.

Тимур рос не по дням, а по часам. В шесть недель он уже улыбался, в два месяца — гулил, поворачивая голову на мой голос. Я была счастлива безгранично.

— Ты видишь, как он на меня реагирует? — восторженно рассказывала я Джамалу. — Он знает свою маму!

— Конечно знает, — отвечал муж, но в его голосе я иногда улавливала какую-то отстраненность. — Ты прекрасная мать, Оксана.

Но телефон в его руках вибрировал все чаще. Входящие сообщения заставляли его хмуриться и выходить из комнаты. Я старалась не обращать внимания, убеждая себя, что это рабочие вопросы.

Однажды ночью, когда Тимуру исполнилось два с половиной месяца, Джамал снова встал на звонок. Я слышала обрывки разговора:

— Не сейчас, Кристина... Я же сказал, что не могу... У меня новорожденный сын...

Сердце мое сжалось. Кристина. Это имя прозвучало как удар ножом в спину. Но я сделала вид, что сплю, и когда Джамал вернулся в постель, притворилась, что не слышала разговора.

"Может быть, это работа, — убеждала я себя. — Много женщин работают в его компании."

Но сон ко мне не приходил. Я лежала рядом с мужем, прислушиваясь к его дыханию, и чувствовала, как рушится мой хрупкий мир счастья.

На следующее утро Джамал был особенно нежен.

— Прости, что разбудил тебя ночью, — сказал он, целуя меня в лоб. — Рабочие вопросы не ждут.

— Ничего, — ответила я, но голос мой прозвучал неуверенно. — Главное, что ничего серьезного.

— Конечно нет, — заверил он. — Ты и Тимур — самое важное в моей жизни.

И я поверила. Потому что хотела верить. Потому что альтернатива была слишком болезненной.

Дни текли своим чередом. Я полностью растворилась в материнстве, забыв обо всем остальном. Работа в библиотеке казалась далекой и ненужной — я была в декретном отпуске и планировала провести с сыном как можно больше времени.

— Может, вообще не вернешься на работу? — предложил как-то Джамал. — Зачем тебе этот книжный магазин?

У нас есть деньги, ты можешь полностью посвятить себя семье. Найдем работников.

— Не знаю, — честно ответила я. — Пока я хочу быть только мамой.

Он улыбнулся и обнял меня:

— Правильно. Наш сын должен расти рядом с матерью.

Но счастье наше длилось недолго. Примерно в три месяца Тимура звонки стали поступать все чаще. Джамал снова начал задерживаться на работе, приходить домой поздно и уставший.

— Новый проект, — объяснял он. — Очень важный контракт. Потерпи еще немного, солнце.

Я терпела. Потому что любила. Потому что не представляла жизни без него. И потому что Тимур нуждался в отце.

Айгюн тем временем становилась все навязчивее. Она появлялась в самые неожиданные моменты, критиковала мои действия, давала советы, которых я не просила.

— Ты слишком часто берешь его на руки, — говорила она, когда я успокаивала плачущего Тимура. — Избалуеться.

— Он еще совсем маленький, — возражала я. — Ему нужна мамина близость.

— В наше время детей не так воспитывали, — качала головой свекровь. — Мы растили настоящих мужчин.

Её слова больно ранили, но я старалась не показывать своих эмоций. В конце концов, она бабушка Тимура, имеет право высказывать свое мнение.

Однажды, когда Тимуру было почти четыре месяца, я случайно услышала телефонный разговор Айгюн. Она стояла в коридоре, думая, что я сплю, и говорила по-азербайджански. Я понимала отдельные слова, изученные за годы замужества.

— Да, красивые девочки... Конечно приезжай... Джамала не будет дома...

Сердце мое екнуло. О каких девочках она говорила? И почему это нужно скрывать от Джамала?

Но когда я попыталась расспросить свекровь, она сделала невинное лицо:

— Что ты, дочка? Я разговаривала с сестрой. Она хвалилась внучками.

Я не поверила, но спорить не стала. Слишком много подозрений и недомолвок окружало меня в последнее время. Может быть, дело во мне? Может быть, материнство сделало меня чрезмерно подозрительной?

Джамал в это время стал еще более отстраненным. Он по-прежнему любил сына, играл с ним, но наши разговоры становились все более поверхностными. Он словно отдалялся от меня, и я не понимала почему.

— Ты устала, — сказал он как-то вечером, когда я попыталась заговорить о наших отношениях. — Воспитание ребенка — это стресс. Все наладится.

"Все наладится", — повторяла я про себя, укладывая Тимура спать. Но в глубине души я чувствовала, что что-то идет не так. Наш медовый месяц материнства подходил к

концу, и я боялась узнать, что нас ждет дальше.

А Тимур тем временем рос и развивался, не подозревая о том, какие тучи сгущаются над нашей семьей. Он улыбался мне своей беззубой улыбкой, и я клялась себе, что сделаю все, чтобы защитить его счастье. Даже если мое собственное окажется под угрозой.

В те дни я еще не знала, что мой мир уже начал рушиться. И что самые страшные испытания ждут нас впереди.

Глава 3

Звонок раздался в семь утра, когда я кормила сына. Джамал выругался сквозь зубы, увидев имя на экране.

— Кристина, — процедил он, даже не попытавшись скрыть от меня имя звонящей.

Мое сердце екнуло. Я прижала Тимура к груди сильнее, чем нужно, и он недовольно захныкал.

— Что?! — рявкнул Джамал в трубку, выходя на балкон. Но через стеклянную дверь я все равно слышала каждое слово его разговора. — Нет, не сегодня. Я же говорил — у меня дома полно дел! Твои девчонки не умрут, если не увидят меня пару недель! — продолжал он, и я почувствовала, как кровь отливает от лица. Девочки? Какие девочки?

Джамал говорил еще минут десять, его голос то поднимался до крика, то опускался до шепота. Когда он вернулся, лицо у него было мрачнее тучи.

— Кто это был? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно.

— Никто. Работа.

Ложь. Я чувствовала ее каждой клеточкой. За двадцать лет брака я научилась различать все оттенки его лжи, как сомелье различает вино.

Айгюн появилась к завтраку, как обычно. Но сегодня в ее

движениях была какая-то особенная энергия, словно хищник, почуявший кровь.

— Где мой внук? — спросила она, даже не поздоровавшись со мной.

— Спит, — ответила я, доставая из холодильника молоко для кофе.

— Спит? В это время? — голос свекрови стал острым, как нож. — А ты знаешь, что дети должны просыпаться с рассветом? Что их нужно приучать к режиму с первых дней жизни?

Я сжала зубы. За полтора месяца Айгюн успела раскритиковать абсолютно все: как я держу Тимура на руках, как часто кормлю, как пеленаю, даже то, как дышу рядом с ним.

— Тимур здоров и хорошо набирает вес, — сказала я, стараясь сохранить спокойствие. — Врач говорит, все в порядке.

— Врач! — фыркнула Айгюн. — Что может знать молодая девчонка из поликлиники? У меня пятеро детей, восемь внуков. Я знаю, что говорю!

Восемь внуков? У Джамала есть брат Аслан, но у того всего двое сыновей. Откуда еще четверо внуков?

— Мама, оставь Оксану в покое, — устало сказал Джамал, не поднимая глаз от телефона. — Она хорошая мать.

— Хорошая? — Айгюн вскинула брови так высоко, что они почти слились с седыми волосами. — Джамал, сынок, ты слепой? Посмотри на нее! Она изможденная, бледная. Мо-

лока наверняка мало. А ребенок? Ребенок постоянно плачет!

— Тимур не плачет больше обычного, — возразила я, но голос дрогнул. А что, если она права? Что, если я действительно плохая мать?

— Не плачет? — Айгюн всплеснула руками. — Вчера вечером он орал два часа подряд! Я слышала через стену!

Это была правда. Вчера у Тимура были колики, и я действительно не могла его успокоить два часа. Но разве это делает меня плохой матерью?

— Мам, хватит, — Джамал поднялся из-за стола. — Мне нужно ехать на объект.

И он ушел. Просто встал и ушел, оставив меня один на один с его матерью.

Айгюн подошла ко мне вплотную. От нее пахло дорогими французскими духами и чем-то еще... властью. Холодной, беспощадной властью.

— Послушай меня внимательно, русская, — прошипела она так тихо, что я едва расслышала. — Ты думаешь, что родила сына и теперь можешь расслабиться? Что ты теперь полноценная часть этой семьи? Ты ошибаешься.

Мои руки дрожали, когда я ставила чашку в раковину. Началось... Пошли оскорбления и упреки.

— Я не понимаю, о чем вы...

— Понимаешь. Прекрасно понимаешь. — Она улыбнулась, и от этой улыбки мне стало холодно. — У моего сына есть женщина. Красивая, молодая, которая уже родила ему

детей. Настоящих детей нашей крови.

Мир качнулся. Я вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

— Вы... вы лжете.

— Лгу? — Айгюн засмеялась, и смех ее был похож на скрежет ножей. — А как ты думаешь, где мой сын пропадает по вечерам? На работе? В спортзале?

В голове у меня помутилось. Все эти месяцы, когда я была беременна, Джамал действительно часто задерживался. Говорил — дела, новый проект, нужно контролировать стройку. А я верила. Боже мой, как же я верила...

— Кристина ее зовут, — продолжала Айгюн, смакуя каждое слово. — Двадцать восемь лет, модель. Фигура — мечта любого мужчины. И у нее от моего сына три дочери. Три красивые, здоровые девочки.

— Нет, — прошептала я. — Нет, этого не может быть...

— Может, голубушка. Еще как может. — Свекровь подошла к окну и посмотрела на заснеженный сад. — Амина, Лейла, Сафия. Семь, пять и три года. Я покупаю им подарки на дни рождения. Они зовут меня бабушкой.

Слезы хлынули из глаз прежде, чем я успела их сдержать. Двадцать лет. Двадцать лет я была бесплодной, а он... он все это время имел других детей. От другой женщины.

— Зачем вы мне это говорите? — всхлипнула я.

— Затем, что хочу, чтобы ты знала свое место, — холодно ответила Айгюн. — Ты родила ему сына, это правда. Но это не делает тебя незаменимой. Кристина тоже может родить

мальчика. И не одного.

В этот момент из детской комнаты донесся плач Тимура. Я бросилась к нему, спотыкаясь о собственные ноги.

Мой сын лежал в кроватке красный от крика. Я взяла его на руки, прижала к груди, но руки тряслись так сильно, что он плакал еще громче.

— Вот видишь, — сказала Айгюн, появившись в дверях детской. — Даже ребенок чувствует, что с тобой что-то не так.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Оставьте нас в покое.

— В покое? — Она подошла ближе, и я увидела в ее глазах что-то страшное. — А ты знаешь, что младенцы иногда задышались во сне? Что могут упасть с кровати? Что неопытная мать может не заметить признаки болезни?

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного. Просто думаю, что тебе нужна помощь. Няня, например. — Айгюн улыбнулась той же ледяной улыбкой. — У меня есть на примете одна девочка. Зарема зовут. Очень опытная, надежная.

— Мне няня не нужна. Я справлюсь сама.

— Справишься? — Свекровь посмотрела на меня с таким презрением, что хотелось провалиться сквозь землю. — Посмотри на себя в зеркало, корова несчастная. Ты же на ногах не стоишь! Как ты можешь ухаживать за ребенком в таком состоянии?

Тимур наконец успокоился, уткнувшись мне в плечо. Я

качала его и тихо напевала колыбельную, которую пела мне мама. Единственное, что у меня осталось от той жизни, когда я была любимой дочерью, а не нежеланной невесткой.

— Я подумаю, — сказала я наконец.

— Не подумашь. — Айгюн развернулась к выходу. — Зарема приедет завтра утром. Джамал уже согласился.

Когда она ушла, я рухнула в кресло для кормления и заплакала. Тихо, чтобы не разбудить сына, но слезы лились рекой.

Три дочери. У него три дочери от другой женщины. Все эти годы, пока я мечтала о ребенке, молилась, ходила по врачам, он растил детей с другой. Младшей всего три года — значит, он изменял мне даже тогда, когда мы пытались зачать ребенка. Когда я лежала в больнице с угрозой выкидыша после ЭКО. Когда плакала в его объятиях после очередной неудачной попытки.

Телефон зазвонил, вырывая меня из мыслей. Джамал.

— Как дела дома? — спросил он, и в голосе не было ни капли вины.

— Нормально, — соврала я. — Айгюн говорит, что нашла няню.

— Да, Зарему. Хорошая девочка, мама ее рекомендует. Пусть поможет тебе.

Помочь мне. Он думает, что няня поможет мне, а не будет шпионить за мной для его матери.

— Джамал, — начала я и запнулась. Как спросить о том,

о чем страшно даже подумать?

— Что?

— Ничего. Просто... я люблю тебя.

Пауза. Слишком долгая пауза.

— И я тебя люблю, — сказал он наконец, но слова прозвучали как извинение, а не как признание.

Когда он приехал вечером, я уже приняла решение. Если он хочет играть в игры, я тоже буду играть. Но по своим правилам.

— Как дела у Кристины? — спросила я за ужином, наблюдая, как он давится супом.

— У кого? — Но глаза выдавали его. Страх. Растерянность.

— У Кристины. Которая звонила утром. Которая беспокоится о своих девочках.

Джамал медленно опустил ложку. Посмотрел на мать, которая замерла с куском хлеба в руке.

— Оксана...

— Не надо, — перебила я. — Не надо врать. Двадцать лет вранья хватит.

— Откуда ты...

— Неважно. Важно другое. — Я встала из-за стола, и мне показалось, что я вырастаю на несколько сантиметров. — У нас есть сын. Тимур. И если ты хочешь, чтобы он рос в этом доме, ты сделаешь выбор. Либо она, либо мы.

— Оксана, ты не понимаешь...

— Понимаю. Прекрасно понимаю. — Голос у меня стал твердым, как камень. — У тебя есть неделя подумать.

Я развернулась и пошла к лестнице, не оглядываясь. За спиной слышала шепот Айгюн, ее яростное шипение на родном языке.

В детской Тимур спал, раскинув крохотные ручки. Я села рядом с его кроваткой и тихо заплакала. Не от отчаяния — от ярости. На него, на себя, на эти двадцать лет самообмана.

Завтра придет няня. Завтра начнется новый этап войны. Но сегодня, этой ночью, я просто буду матерью. Буду сидеть рядом со своим сыном и планировать, как защитить его от этого мира лжи и предательства.

Потому что теперь я знала правду. И правда, какой бы болезненной она ни была, всегда лучше самой красивой лжи.

Глава 4

Я сидела в кресле у окна, держа на руках спящего Тимура, и смотрела, как за стеклом кружит первый ноябрьский снег. Малыш был таким теплым, таким настоящим — единственной реальностью в моем все более запутанном мире. Уже неделю я чувствовала себя странно: постоянная сонливость, головокружение, какая-то ватная слабость в теле. Врач говорил, что это нормально после родов, но что-то внутри меня противилось этому объяснению.

— Дочка, ты опять дремлешь с ребенком на руках? — голос Айгюн заставил меня вздрогнуть. Свекровь стояла в дверях детской, и в ее янтарных глазах мелькнуло что-то, что я не смогла расшифровать. — Это опасно. Ты можешь уронить моего внука.

— Я не сплю, — солгала я, хотя веки действительно слипались. — Просто устала.

— Конечно устала. Тебе нужна помощь, — Айгюн подошла ближе, и я инстинктивно прижала сына к груди. — Почему ты не принимаешь помощь. Зарема — хорошая девочка, моя дальняя родственница. Очень ответственная.

— Нам не нужна няня, — я попыталась вложить в голос твердость. — Я справляюсь.

Свекровь цокнула языком — этот звук всегда действовал мне на нервы.

— Справляешься? Посмотри на себя. Волосы грязные, под глазами синяки, молока толком нет — ребенок худеет. Нет, решено. Завтра приведу Зарему. Я больше не стану слушать сына и тебя и откладывать это важное решение.

Я хотела возразить, но Тимур зашевелился во сне, и все мое внимание переключилось на него. Когда я снова подняла взгляд, свекровь уже исчезла. Только запах ее тяжелых духов еще витал в воздухе.

В тот вечер Джамал пришел домой поздно. Я слышала звук его ключей и голоса в прихожей — он о чем-то разговаривал по телефону. Голос был тихий, интимный, и мое сердце сжалось от знакомой боли. Неделя еще не прошла и о своем решении он мне не сказал... Что я могла сделать? Уйти? Он бы не отдал мне сына. Джамал влиятельный человек, а я никто.

— Не могу сейчас говорить, — долетели до меня его слова. — Дома... Да, понимаю... Завтра обязательно увидимся.

Когда он поднялся в спальню, я делала вид, что сплю. Джамал тихо разделся и лег рядом, но я чувствовала его напряжение. Он долго ворочался, потом встал и прошел в детскую. Я слышала, как он долго стоял у кровати сына, что-то шептал ему.

— Расти большим, малыш. Будь сильным, как папа.

В его голосе звучала такая нежность, что на глаза навернулись слезы. Почему он может любить ребенка, но не может любить только меня? Почему рождение Тимура не остано-

вило его? Почему я все еще чувствую себя одинокой в собственном доме?

Утром в дом пришла Зарема — невзрачная женщина лет тридцати пяти с мышиными волосами и водянистыми глазами. Она говорила тихо, держалась скромно, но что-то в ней настораживало. Может быть, то, как она смотрела на меня — изучающе, оценивающе.

— Зарема работала няней в очень хороших семьях, — представила ее Айгюн. — У нее прекрасные рекомендации. Правда, дочка?

Зарема кивнула, не поднимая глаз.

— Я очень люблю детей. Буду заботиться о малыше, как о своем.

— Видишь? — свекровь посмотрела на меня торжествуя. — Теперь ты сможешь отдыхать. А то совсем замучилась, бедная. Вон какая бледная стала.

Я не хотела няню. Каждая клеточка моего тела противилась чужому присутствию рядом с сыном. Но Джамал уже согласился, уже заплатил вперед за месяц. А спорить с ним у меня не было сил — эта странная слабость с каждым днем становилась все сильнее.

Зарема оказалась действительно тихой и незаметной. Она появлялась утром, как призрак, и исчезала вечером. Тимур не плакал с ней, спал спокойно, ел по расписанию. Казалось бы, все прекрасно. Но почему тогда у меня было такое чувство, что за мной наблюдают?

— Оксаночка, — как-то вечером заглянула ко мне Айгюн с подносом. — Принесла тебе чаю. Травяного, успокоительного. Совсем измоталась, бедная.

Чай был ароматный, с запахом мяты и чабреца. Я выпила его с благодарностью — последние дни мучила бессонница. Странно, днем я едва держалась на ногах от сонливости, а ночью лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому звуку из детской.

Но после чая сон приходил мгновенно, глубокий и тяжелый. Я проваливалась в него, как в колодец, и не слышала ничего до самого утра. Даже Тимура не слышала, хотя раньше просыпалась от его малейшего всхлипа.

— Как хорошо ты спала, дочка, — утром говорила свекровь, заглядывая в спальню. — Даже не проснулась, когда малыш плакал. Хорошо, что у нас есть Зарема.

— Тимур плакал? — я садилась в постели, чувствуя себя разбитой. — Почему ты меня не разбудила?

— Зачем? Зарема прекрасно справилась. Покормила его смесью, поиграла. Ты же так устала.

Что-то было не так. Материнский инстинкт кричал во мне, но голова была такая тяжелая, мысли расплзались, как туман. Я пыталась сосредоточиться, понять, что происходит, но слова свекрови обволакивали меня, как мед.

— Не думай ни о чем, отдыхай. Мы о тебе заботимся.

А потом началось...

Джамал стал приходить домой мрачный, избегал моего

взгляда. За ужином молчал, только коротко отвечал на вопросы. А однажды я застала его в кабинете за просмотром каких-то снимков на телефоне. Увидев меня, он быстро убрал трубку.

— Что это было? — спросила я.

— Рабочие вопросы, — отрезал он.

Но выражение его лица говорило о другом. В его глазах я увидела что-то страшное — сомнение. Сомнение во мне.

Я начала замечать мелочи. Айгюн слишком часто заглядывала в детскую, когда думала, что я не вижу. Зарема вела себя странно — иногда я ловила ее взгляд на себе, изучающий и настороженный. А по вечерам, после того травяного чая, я проваливалась в такой глубокий сон, что не помнила ничего до утра.

— Мам, может, не нужно давать мне этот чай? — попробовала я как-то возразить. — От него я слишком крепко сплю. Вдруг Тимур...

— Что — Тимур? — голос свекрови стал холодным. — Что может случиться с ребенком от того, что его мать наконец-то нормально выспится? Или ты считаешь, что мы не сможем о нем позаботиться?

— Нет, просто...

— Просто что? — Айгюн придвинулась ближе, и я почувствовала запах ее тяжелых духов. — Ты не доверяешь нам? Не доверяешь мне, бабушке ребенка?

В ее голосе звучала такая боль, такой упрек, что мне ста-

ло стыдно. Может быть, я действительно параноила? Может быть, послеродовая депрессия заставляла меня видеть угрозы там, где их нет?

Но я все еще помнила, как ядовито она сказала мне про Кристину... Эта женщина меня ненавидит и готова принять другую. Но я не отдам своего сына и свою семью.

— Извини, — прошептала я. — Просто у меня нервы на пределе.

— Конечно, дочка. Поэтому и нужно лечиться. Пей чай, отдыхай. Мы обо всем позаботимся.

И я продолжала пить этот чай. Продолжала проваливаться в беспамятный сон. А наутро Джамал смотрел на меня все более холодно.

Однажды вечером он не выдержал.

— Оксана, нам нужно поговорить, — сказал он, когда я укладывала Тимура спать.

Что-то в его тоне заставило меня похолодеть.

— О чем?

— О тебе. О том, как ты ведешь себя с ребенком.

— Что? — я не поверила своим ушам. — Что ты имеешь в виду?

Джамал достал телефон, включил камеру. На экране я увидела себя — спящую в кресле с Тимуром на руках. Ребенок лежал в опасной позе, мог упасть.

— Где ты это взял? — прошептала я.

— Мама показала. Она беспокоится за сына, фотографи-

рует такие моменты. Смотри дальше.

Следующий снимок: я сплю на диване, а Тимур лежит рядом, без присмотра. Еще один: детская комната в беспорядке, бутылочки не помыты, игрушки валяются на полу.

— Я не помню этого, — слабо сказала я. — Я не могла...

— Не могла что? Заснуть? Забыть покормить ребенка? Оставить его без присмотра?

Каждое слово било, как пощечина. Я смотрела на фотографии и не узнавала себя. Это не я. Я никогда не стала бы так небрежно обращаться с сыном.

— Джамал, это не то, что ты думаешь, — попыталась объяснить я. — Что-то происходит со мной. Я постоянно хочу спать, не могу сосредоточиться...

— А что происходит? — его голос стал жестким. — Ты пьешь? Принимаешь что-то?

— Нет! — я была в ужасе от этого предположения. — Как ты можешь так думать?

— А как я должен думать? Двадцать лет ты не могла забеременеть, а теперь, когда родила, ведешь себя как... как безответственная мать.

— Я не безответственная! — крикнула я, и Тимур испуганно заплакал в кроватке. — Я люблю его больше жизни!

— Тогда докажи это. Веди себя как нормальная мать.

Он ушел, хлопнув дверью. Я осталась одна с плачущим сыном и фотографиями, которые разрывали мое сердце. Это была не я. Не могла быть я.

Но сомнения уже поселились в душе. А если это правда? А если что-то не так с моей психикой? А если я действительно опасна для собственного ребенка?

Я взяла Тимура на руки, прижала к груди.

— Прости меня, малыш, — прошептала сквозь слезы. — Мама никогда не причинит тебе вреда. Никогда.

Но слова звучали пусто в ночной тишине. А где-то в глубине дома тихо переговаривались два голоса — Айгюн и Зарема. Они что-то планировали, что-то готовили.

И я поняла — это только начало. Паутина, которая оплела меня, становилась все крепче. А я не знала, как из нее выбраться, не зная даже, что я в ней запутана.

Чай, который принесла мне свекровь в ту ночь, показался особенно ароматным. Я выпила его до дна, чувствуя, как тягелеют веки. Последнее, что я помнила перед тем, как провалиться в беспамятство, — силуэт Айгюн в дверях и ее тихие слова:

— Спи, дочка. Мы обо всем позаботимся.

А утром меня ждали новые фотографии. И новые сомнения Джамала. И новые обвинения в том, что я плохая мать. Паутина сжималась вокруг меня все туже.

Глава 5

От лица Джамала

Я сжимаю телефон так крепко, что костяшки пальцев белеют. Голос Кристины звенит в трубке, как разбитое стекло.

— Неделя, Джамал. Всего семь дней. Либо ты официально признаешь наших девочек, либо я сама расскажу Оксане всю правду. О нас. О детях. Обо всем. Приду вместе с дочерьми!

Я молча смотрю в окно своего кабинета на тридцать пятом этаже. Москва расстилается подо мной, как на ладони. Еще час назад я чувствовал себя хозяином этого города, хозяином своей жизни. А теперь... какая-то девчонка смеет мне угрожать?

— Ты забываешься, Кристина, — говорю я тихо, но в моем голосе звучит сталь. — Никто не диктует Джамалу Мамедову условия.

— А я не кто-то! — срывается она на крик. — Я мать твоих детей! Восемь лет, Джамал! Восемь лет я жду, надеюсь, верю твоим обещаниям! А теперь у твоей жены родился сын, и я стала тебе не нужна?

В трубке слышны детские голоса — девочки играют на фоне. Амина что-то объясняет младшим сестрам. Сердце сжимается. Это мои дети. Мои дочери. Но...

— Я никогда не обещал жениться на тебе, — отвечаю я жестко. — Ты знала условия с самого начала.

— Условия изменились! — Кристина задыхается от ярости. — У тебя есть сын от этой... от Оксаны. Теперь ты можешь развестись с чистой совестью. У тебя есть наследник!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.